

Чистой бумаги на моём столе всего четыре листа, а единственный в приморском посёлке магазин канцелярских товаров уже закрыт. Марина тоже в растерянности. Как же так, говорю, вроде, имелась в запасе целая пачка, лежала на нижней полке шкафа, а теперь её нет. Никогда я не был столь опрометчив — можно ли оставлять писателю без бумаги, тем более накануне сдачи рукописи. После утомительной двухмесячной работы моя голова ничего не соображает, и она не досмотрела. Главное, замучила со своей уборкой: заставила меня сжечь все ненужные бумаги. Сейчас можно было бы печатать на их обороте. Какой-никакой да выход.

Я не то чтобы кричу, но даю ей знать — возмущён до крайности. Непонятно на чём мне писать финал, ведь завтра я должен явиться с готовым текстом в издательство. Добираться туда часов шесть на поезде, выезжать нужно пораньше, чтобы попасть к ним в рабочее время. Ведь могут и договор расторгнуть, в который раз отодвигаю сроки.

Я вне себя, а Марина радостно сообщает, как будто мне от этого станет легче, что пачку эту я самолично открыл перед правкой: перепечатал некоторые главы и пролог, с десятков листов испортил — вот и вышла вся бумага... Да, да, соглашаюсь я, вспомнил, извини. Но тут выясняется, что она тоже взяла немного и сейчас вернёт. Приносит. Их оказалось сорок девять. Э-э, говорю, да этого хватит на три финала, а мне бы один написать. Когда я столько выдавал за ночь?

Признаюсь, меня измучил этот проклятый роман. Он был начат сразу после окончания института. Описываемые в нём события не только неотступно преследовали меня, ожидая, когда выложу их на страницы, но и вмешивались в реальную жизнь. Думал, хорошо, в романе нет угнетающих драматических историй, не то они существенно осложнили бы мою жизнь. Все три года, которые отработывал по распределению, я понемногу его писал, но не особо преуспел. Мне нужно было где-нибудь уединиться и спокойно его завершить.

И всё-таки я обидел Марину, по ней видно. Сказал, что буду работать до утра, захочу спать — лягу здесь же на диване, беспокоить её не буду. Она принесла кофе с молоком в большой кружке, как я люблю, тарелку печенья и, равнодушно обняв, удалилась. Хоть бы слово произнесла! У меня важная работа, переживаю, с ума, можно сказать, схожу, а она так себя ведёт. Ладно, пусть уходит. Не буду о ней думать.

Передо мной настольная лампа, печатная машинка, стопка бумаги, авторучка с красной тушью для правки, на небе звезды, за окном мерно рокочет море, солоноватый воздух — одним словом, прекрасная ночь для творчества... А вдохновение

исчезло. Около часа собирался с мыслями — всё напрасно. Решил перед ней извиниться. Бесшумно проник в спальню, но она уже спала. Или делала вид, что спала. Я вышел.

Не думать о ней уже не мог. Сел за стол, снял колпачок с авторучки и в левом верхнем углу первого же листа нарисовал цветочек. Посидел с минуту и написал под ним: «любимая». Не название финальной главы, а просто слово, написал, не понимая за чем. Мне нравятся все буквы, из которых оно состоит... Нет, так не годится. Ухожу от дела. О чём только думаю? Но не о работе. Ничего, сейчас соберусь, я умею в особых случаях выдавать невозможное, хотя в обыденной жизни — лентяй, каких поискать. Но в минуты самобичевания Марина меня приободряла: все талантливые люди, говорила, невольные обладатели этого свойства, всю их волю засасывает необъятный внутренний мир. Что невольник — соглашался, что внутренний мир необъятный — кто бы сомневался, что талант — безоговорочно верил... Однако я отвлекаюсь, но это, утешая себя, пустяки: ещё разгонюсь, вечер только начинается.

Затем стал аккуратно обрамлять изящными кружевами каждую букву в этом слове. Не подозревал за собой способности к рисованию, но завиточки получались искусными, во всяком случае, таких узоров нигде не встречал. Я даже заигрывал с буквами: а знает ли, скажем, уважаемая буква «м» в слове «любимая», где и как мы с нею познакомились? Ни за что не догадаетесь, потому что здесь, как говорил известный литературный герой, есть своё таинственное недоумение. Случайность! Да, иначе как бы вообще узнал о её существовании, если бы после института меня не распределили в далёкий регион поднимать мелиорацию. Поднимать — громко сказано, но я там оказался.

В буквах, несравненная госпожа «М» (теперь-то уж, разумеется, с заглавной), живёт частичка души любого слова, и кому как не ей быть посвящённой в мои переживания в момент первой нашей встречи. Надо ещё знать состояние молодого человека, оказавшегося вдали от друзей и родных — я находился черт знает в каком краю необъятной родины, в небольшом запылённом городке, рядом с управлением оросительно-обводнительной системы, в котором работал. Жара не спадала уже целую вечность, а рабочий день заканчивался партийным собранием. Я ждал начальника подписать бумагу о завершении обязательной трёхлетней отработки и полной моей свободе.

Я сидел на крыльце соседнего дома, который принадлежал нашему сторожу, и нетерпеливо смотрел в сторону административного здания. Сам крепкий и приземистый хозяин крыльца был старше меня всего лет на десять, но казался старичком из-за густых рыжих усов — как по мне, такие могли носить только пожилые люди. Меня он называл земляком, чаще — земля, потому что служил неподалёку от моих родных мест. При доме его был сад, примечательный не только разнообразием плодовых и ягодных насаждений, но и занимательными строениями для его детей. Все они имели названия: «Замок на дереве», «Грот горного короля», «Волшебное дупло», «Дворец принцессы», «Чёртовы качели», «Настенная крепость», «Таинственный лаз».

Он накрыл для меня стол под деревом — корзинки фруктов и ягод, пирожки с творогом и капустой, сыр и вино, но я отказался от угощения: душа не принимала ровным счётом ничего. «Хорошо, — говорил он каждый раз, выходя из сада по какой-нибудь надобности, — понимаю, ещё к начальству, но после — смотри! — обратно ко мне». Не отпускает он меня, чтобы я ему ни говорил: «Депрессия, видите ли, у его сиятельства, ты, земля, это брось», — и снова исчезал.

Но вдруг скрипнули высохшие петли калитки, и во двор зашла девушка. Она была в соломенной шляпке с синим бантом на боку и голубом платье-рубашке до колен.

Над головой держала небольшой розовый зонтик с белыми слониками. О, солнце в тот день изводило всех — вот и одежда её, должная скрывать девичий стан от посторонних глаз, тоже не устояла: солнце нещадно пронизывало тонкую ткань, высвечивая девственный контур молодого красивого тела. Но эта магия длилась всего мгновение, девушка быстро зашла под тень вишневого дерева. Обнаружив меня среди солнечных пятен, густо лежавших на крыльце, она в замешательстве остановилась. А я тем временем успел разглядеть её собранные в хвостик русые волосы и белое личико, на котором, как будто подстать моему желанию, нанесли игривую родинку чуть выше губ. Глаза смотрели с нескрываемым любопытством, по-детски, они словно говорили: какой странный, кто он, что тут делает? А я почувствовал: неважно кто и по какой причине здесь нахожусь — она всё равно приветствует это всем своим существом.

Я встал и попросил гостью не стесняться меня и подойти ближе. Но она смутилась, посмотрела на свои ноги в сандалиях и нервно пошевелила пальчиками. И я тоже замолчал, разглядывая их и глупо улыбаясь. Заслышав шаги, она подняла голову и засияла: мой приятель возвращался из сада, неся очередную корзину овощей. «Э-э, какие гости! Марина!» — воскликнул он. Позвал её к столу и с каким-то необъяснимым удовольствием представил нас друг другу.

Только тогда я обратил внимание на книгу, зажатую у неё под мышкой. Между прочим, заметил ей, что под обложкой вполне могут быть «Вешние воды», «Первая любовь», «Ася», или что-то в этом роде — угадал? Марина покраснела и опустилась на скамью, точно у неё подкосились ноги. Да, смущённо призналась она, именно эти повести. Ну и славно, заключил хозяин, тогда есть повод кое-чем украсить стол и вместе поужинать. А бумагу можно и завтра подписать. Кстати, после завершения рабочего дня директорство переходит к нему, и по этой простой причине просит ни в чем ему не перечить. Да, сегодня не его смена. Ну и что? Это, земля, ничего не меняет. Из сада к своей любимице бежали дети: мальчик и девочка семи и пяти лет — неутомимый медвежонок и любопытная белочка. За ними шла мать — приветливая женщина с лучистыми серыми глазами.

Вскоре приятно запахло из кухни. Хозяин, как и положено, повёл стол. А кто нам мешаёт по одной, а? Ну-ка, взяла — за знакомство! Мамочку на вино не зовём, нельзя ей: ожидаем третьего. Пусть себе готовит. Ну-ка! Вино собственного приготовления, откажетесь — обидите!.. Отставить, я сказал. Приказываю принять от всей души!.. Так-то лучше!.. Как кто? Да Марина нам как дочь. С мамочкой её так и называем — дочка. Мы с её родителями у вас, на Кавказе, ну, ты знаешь, почти десять лет вместе прослужили. Да нет, они врачи. Им теперь некогда, оба на повышение пошли. Они здесь ненадолго, это и так было понятно. Стали бы господа здесь жить. А я вот никуда больше не двинусь. Я о такой реке мечтал всю жизнь... Почему раньше её не видел? Да потому и не видел, что она недавно только приехала с учёбы. Художественное училище закончила, да. Она, поверь мне, земля, — голова, я это при ней говорю, и родители справедливо требовали в медицинский поступать. А их дочь — хоть ты тресни! — своё. Не видел ты её картин. Она мастер света! Ну, как же она свет рисует! Вот сидишь ты здесь, на тебя через листву падают солнечные зайчики. А она на картине так их изобразит, что душу твою высветит! Во как! Искусство, брат!.. О, что нам несут! Ну-ка, все эти фруктово-ягодные корзины прочь со стола — сынок, помогай. К нам плывёт чугунная сковородка с курицей, жареной под гнётом, и — что там ещё? — десяток румяных картофелин в аппетитно шкворчащем масле. Дети, не спешите! Осторожно! Куда отщипывать — горячо же! Чуть остынет — разделаю. Это, доченька, вино, не трогай, оно для взрослых, вот вам компот. И ты, мамочка, тоже садись, хватит

бегать. Ну, хорошо, хорошо — неси свои соусы. А вот же их дом, прямо над нами нависает — серая гора! Веришь, солнце нам загораживает. Чего Марине в бетонных стенах париться? Там дышать нечем. А у нас природа, погода... По второй, нечего расслаживаться, во второй... С возражениями потом и в письменном виде. А сейчас все дружно подняли. Ну, земля, с окончанием тебя трудовых подвигов в нашем районе! Три года одним махом пролетели. Честно скажу: жалко расставаться! Полюбил я тебя. Но плакать буду потом. Дай я тебя по-братски обниму... Поехали!.. Ух! И кто скажет, что мы плохо живём?! Так-то! Говорите: кому, чего и сколько! Дети, нельзя вперёд старших лезть, где вас воспитывали, честное слово, никто вашей доли не съест... Марина читает здесь вечерами, отдыхает, с детьми играет, присматривает за ними, когда нужно. Рисует опять же. Кому салат? Из помидоров... вот из огурцов, мы их не смешиваем... кому зелень... масло, сметана для заправки... А где рыба? Мамочка, мы ещё рыбу ждём, слышь там?! Я прямо скажу: такого судака вы даже на картинках не видели! Ешьте, ешьте. Ей-богу, мы как будто гостей ждали, наготовили... Нет, ну, ты посмотри на неё, земля: чем она не настоящая невеста, а?! Вот сейчас сидит, смотрит на нас с тобой, а сама что-то этакое себе воображает, что нам и не снилось. Невиданный в природе человечек. Ну, говорю тебе! В неё все влюбляются. Не веришь? Вот посидишь с ней часок — она молчать всё это время будет, а завтра ты головушку свою будешь искать. И не факт, что найдёшь. Ну, говорю тебе! Она глазами с нами разговаривает, замечаешь? Глади — краснеет! Не, ну ты встречал современную молодёжь, которая способна краснеть? Ничего такого я лично давно не видел. Это всё её рисование — с людьми мало в общается... А, почувствовали градусы?! Так-то — это вино с выдержкой. Тогда по третьей! Бог любит, как говорится... по третьей, а разговоры потом будем разговаривать.

...Нет, надо уже приступать к финалу, хотя приятно вспоминать тот вечер, когда я и в самом деле потерял голову. Всё говорило о том, что мы созданы друг для друга. То же самое, по её признанию, почувствовала и Марина. Нам позволено было проводить время в саду, и мы засиживались во «Дворце принцессы» допоздна. В один из вечеров, когда дети были уложены спать, а хозяева находились на чьих-то именинах, мы впервые с нею поцеловались. Я узнал вкус её податливых, до той минуты, как потом выяснилось, не целованных губ, почувствовал её запахи — плеч, шеи, волос, — которые напоминали мне природный аромат маленьких детей. И вдруг куда-то подевались все мои знания о девушках — я мало сходства находил у них с Мариной.

Я оставался с нею ещё две недели, после того как решил сразу домой не возвращаться, а поехать к морю, снять тихий уголок у какой-нибудь одинокой старушки и дописывать роман, благо денег было в избытке. Услышав об этом, Марина с радостью сообщила, что у них есть домик в одном приморском посёлке, ещё с той поры, когда в том регионе служили родители. Продавать не стали — зачем? — самим пригодится. Там каждое лето отдыхает брат с семьёй. Кстати, они только что уехали. А отец с матерью уже второй год как не могут туда выбраться. Она попросит их разрешить мне пожить в том домике — уверена, не откажут. И как было бы хорошо, начали мы мечтать, если б нас отпустили вместе. А почему нет, рассуждала Марина, раз мы любим друг друга и между нами всё уже решено.

Приходили её родители, сидели под деревом за тем же столом, серьёзно со мной говорили. Мать, затаив улыбку в уголках красивых губ, разглядывала меня с любопытством, точно я какой-то невиданный экзотический фрукт. Мне кажется, она старалась смотреть на меня глазами дочери, пытаясь понять, что же Марину во мне привлекло? Отец соответствовал званию полковника, пусть и по медицинской части. Спрашивал меня по-военному сурово: уверен ли я в своих чувствах, состав семьи,

знают ли родители о моём решении, как себе представляю жизнь с их дочерью в бытовом отношении, после, так сказать, романтического периода? У них есть старший сын, он уже офицер, служит в соседней области, но дочь самая любимая и хочется, чтобы она была поблизости, я должен это понимать. Разумеется, я удерживать её подле себя вечно никто не собирается. В мою пользу то, что человек я, похоже, ответственный, полноценный специалист, и, говорят, имею даже какой-то там талант. Но нам, молодым, нужно проверить свои чувства, для этого потребуется время. А это означало: её со мною не отпускают.

Марина стояла за спинами родителей поодаль и смотрела на меня. Я читал в её горящем взгляде волнение: вдруг нам откажут бесповоротно, и она потеряет то, что нашла впервые в жизни, и это может не повториться. Она поочерёдно сжимала пальцы на обеих руках, сняв соломенную шляпку, мяла её, казалось, до хруста, покусывала конец банта, а меня в тот момент приятно обжигало её неприкрытое желание быть моею. Нет, думал я, никогда я не знал такого чувства ни с кем, не отдам её никому и сделаю всё, чтобы мы были вместе.

Приятно было узнать, что я, оказывается, им понравился, особенно моё увлечение сочинительством. Все-таки молодой человек имеет благородное увлечение, и он не просто какой-нибудь заезжий мелиоратор, от которого не знаешь, чего ожидать. Дня через два они пригласили меня к себе, угощали зайцем в сметане, доставшимся отцу из охотничьих трофеев младших офицеров, треской в кляре, кулебякой, салатом из жареных баклажанов, вяленых помидоров и сыра, тонкими кружевными блинами с икрой, выпивали со вкусом, но в меру. Хотели, чтобы я прочитал что-нибудь из своего, о чём заранее уведомили меня через дочь. Я взял с собой наиболее удачный фрагмент из романа, который читал всем. Как я и предполагал, прочитанные страницы глубоко их тронули, и мне было предсказано большое будущее. Отец попросил копию этого фрагмента — бывший редактор их армейской газеты теперь директор краевого издательства, так что, если в этом есть настоящий талант, я могу считать книгу изданной.

Но на что я никак не надеялся — так это заполучить домик у моря до конца лета, а если захочу, то и на осень, даже на зиму с весной. Буду ухаживать за ним (хотя за домом присматривает сосед, заодно используя участок в свою пользу) и писать свои бессмертные произведения. Только одно условие: в конце романа, после даты написания, я должен буду указать, в чьём имении он создан — частичка моей славы им не помешает. Впрочем, это была шутка.

Общались со мной уже с оттенками родственной заботы, я понимал, что с ними беседовала дочь о серьёзности своих чувств, и была, по всей видимости, убедительна. Отсюда и большая сумка от матери, в основном, с офицерскими сухими пайками, и выдача отцом схрона коньячно-винных запасов в их морском домике — сын не употребляет по причине полного отторжения его организмом алкоголя, ну а творческому человеку время от времени не мешает расслабиться. Также с меня было взято слово, что в ближайшее время сообщу им о добром согласии моих родителей и установлю с ними почтово-телефонную связь. А свадьбу можно наметить на середину осени.

Я позвонил родителям, сообщил о своём решении — оно окончательное и обсуждение его не изменит, а только принесёт всем страдание и никому не нужную ссору. На том конце долго молчали, а потом сказали: ну, раз я такой взрослый и родительское мнение меня больше не интересует, то могу поступать так, как считаю нужным. Ещё было добавлено: они знали, что восьмилетнее отсутствие сына именно так и закончится, и что во всём виновато государство с его политикой, касающейся молодых

специалистов. Новость эту я передал родителям Марины. Однако уезжал я с тяжёлым сердцем — там со мною не будет её.

Бог мой, скоро полночь, а я ещё не приступал к работе. Этак я не успею написать финал к утру. А ведь его можно без ущерба сделать короче — так я, наверное, и поступлю. Мне осталась сцена о том, как герой привозит роман в издательство, где ему тут же предлагают редактора, как сказано, для работы над ошибками. Далее обычные в таких случаях трения из-за спорных мест и, в конце концов, сдача рукописи и празднование героем полной победы. Так что финал не проблема, он почти готов, осталось его только изложить. Поэтому я в очередной раз проявляю беспечность и с удовольствием вспоминаю место, куда я прибыл ровно через сутки.

Домик, как его называли владельцы, был вполне добротным домом из трёх комнат и кухни внизу, и двумя — наверху. В мансарду вели две лестницы: одна из прихожей, другая поднималась прямо из сада. Солнечная сторона мансарды выходила на террасу, откуда открывался пленительный простор моря. С военным соседом в отставке я виделся только в день приезда, он как раз уезжал поболеть за внука, поступившего в военное училище. Он только и успел мне сказать, что на свободные места сажает в нашем саду зелень и овощи, так что я вполне претендую на половину урожая.

Сам же посёлок был благоустроен во всех отношениях: с администрацией, школой, почтой, рынком, магазинами и прочими важными учреждениями. Чем он был особенно примечателен — так это невысокими ограждениями участков, выкрашенными в белый цвет (должно быть, требование властей) и обилием на улицах деревьев и цветов, в которых он буквально утопал.

Я незамедлительно засел за роман и за десять дней связал все разрозненные его части, написанные за три года. После чего он показался мне стройным, величественным и необычайно глубоким по смыслу. Эх, думал я, некому оценить мой труд, никто не скажет доброго слова, ни один из близких мне людей даже не догадывается, какое грандиозное сочинение я пишу. Именно в эту минуту я вспомнил о винных запасах. И в самом деле, отчего бы не отметить успешное начало работы: магистральная линия романа выстроена, а дальше успевай записывать.

Печь в одной из комнат была бутафорской: сделана из каркаса, обшита металлическим листом, но накрыта настоящей чугунной плитой. Как меня учили, я сунул руку в духовку, нащупал рычажок и потянул на себя. Внутри что-то щёлкнуло, и печь на пару сантиметров отошла от стены. Затем я отвёл её, как дверцу шкафа, в сторону и в проёме стены увидел внушительную обойму спиртных напитков разных сортов. За отсутствием штопора для винных пробок пришлось выпить коньяк и заесть остатком выданных мне в поездку продуктов. После этого, заметно приободрившись, с чувством исполненного долга впервые спустился к морю. За всё это время я, кроме хлеба, ничего не покупал — сидел на сухом армейском пайке. Значит, на обратном пути надо будет зайти в магазин за полноценной едой.

Возвращался я уставший, сказывалась непосильная многодневная работа, в таком режиме я не писал никогда. Оказывается, непрерывное умственное занятие тяжелее всех других, ещё месяц таких усилий и от меня ничего не останется. Впредь решил отдыхать два дня в неделю, как я привык в оросительной системе. Только теперь я узнал, как мучительна творческая работа, как она затягивает, как выпивает тебя до самого дна твоего сердца, так что в какой-то момент возникает паника — ты не веришь в благополучное возвращение к нормальной жизни.

Ещё снизу, шагов за сто, через решётчатую изгородь я увидел, что на кушетке, которую я поставил около вазона с цветами, кто-то лежит. Подойдя ближе, я разглядел, что это девушка. Из моего положения трудно было понять, кто это. Она была

в длинном сарафане, одна её рука лежала на подлокотнике, другая на согнутой в колене ноге, лицо и плечи обращены заходящему солнцу. Рядом — взятый из гостиной стеклянный столик с оранжевым напитком.

Да, я всегда слышал завистливые упрёки, что мне не по заслугам везёт. На самом деле, так и есть. Я бы уточнил: мне везёт неожиданно, в ситуациях, когда этого ни я, ни другие никак не предполагают. Впрочем, на то оно и везение. И теперь это был подарок: море, любимое занятие, которому я хочу посвятить свою жизнь, и со мною — она! Нет, в отличие от меня, Марине не так повезло: не было согласия родителей на её отъезд, не было поцелуев на прощание и пожелания хорошо отдохнуть. Она взяла краски, кисти и мольберт, объявила, что если не начнёт сию же минуту работать, то сойдёт с ума. Затем чуть ли не крикнула, опускаясь на стул в прихожей: с ума она сойдёт, если не увидит меня — и у неё выступили слёзы.

Уж чего-чего, а такого от неё не ожидали. Конечно, родители поняли — люди они умные, интеллигентные, — что время дочери пришло и удерживать её нет никакого смысла, да и не удастся. Возможно, были бы и поцелуи, и благословение, и подobaющие проводы на вокзале, но дочь — будь что будет! — на другой день уехала рисовать морские виды, оставив записку с признанием в безграничной к ним любви и преданности.

Кажется, ни я, ни она не верили в происходящее: несколько минут мы держали друг друга в объятиях — она в кушетке, я подле неё на коленях. И — ни одного слова, ни единого звука, ни малейшего движения, как будто мы боялись спугнуть счастье. Наконец, отстранившись, Марина ласково меня назвала «мой дурачок». Спросила: как я здесь жил? Пожурила: в доме ни крошки еды — нечто так можно? А ещё возмутилась: я что, до сих пор сидел на офицерском папином пайке? Из всех слов я с удовольствием принял и сохранил в памяти только одно: «мой». Кто бы знал, как мне приятно было его услышать!

Пока варился обед, мы решили — решала, конечно же, Марина — обустроить комнату для нас. Одну спальню я уже отвёл под кабинет — там стоял раскладной диван и стол, за которым я работал. В другой комнате находилась двуспальная кровать, но Марина почему-то сочла, что она нам не подходит. Я спросил: из-за размера или освещения? Принимается любое её решение, поддержал я! Признаюсь, я совсем одичал без человеческого общения. А что такое женская ласка — забыл совсем. Надо, сказала она, в гостиную из мансарды принести ещё одну кровать — ну, чтобы их там было две. Но кровать велено было поставить у противоположной от другой кровати стены. Отсюда, говорит она, я буду прекрасно тебя видеть и слышать. И, сочувственно улыбаясь, стала следить за моей реакцией. Я замер, должно быть, без всякого выражения на лице, потому что не знал, как понимать это решение. Уж этого я никак не ожидал. Был ли я огорчён? Да. Хотел ли я, чтобы мы спали на одной большой кровати? Конечно. Хотел ли я... ну... в общем... — без сомнения. Вот такой я. Но минуту спустя признал, что после такого поступка она заслуживает самого большого уважения.

Марина начала меня опекать: следить за моей внешностью, здоровьем, питанием. А сколько всего умела своими руками! Где и когда она успела всему научиться? Отвечала: я просто внимательная и не упускаю ничего, что может пригодиться.

На том и закончилась еда всухомятку. Один раз в день я обязан был съесть тарелку горячего жидкого блюда. Мне предлагалось просто-таки карнавальное их разнообразие. За два месяца она ни разу не повторилась: щи, борщи, рассольники, протёртые супы, а уж обычных супов — не счесть, из чего, оказывается, их только ни приготавливают! Я сбился со счета от разновидности одной только окрошки. В обед я не имел права обойтись без салата из зеленого лука, чеснока, петрушки, укропа, кинзы,

печёного сладкого перца, сочных розовых помидоров без кожуры, кусочков козьего сыра и миндальных измельчённых орешков. Всё это поливалось подсолнечным маслом, лимонным соком или, по моей слёзной просьбе, сметаной — я очень любил подбирать хрустящим батоном сок, оставшийся после помидоров и других овощей. Мясо же теперь варилось либо тушилось, даже котлеты готовились на воде, однако насыщенный вкус блюд создавался при помощи волшебных — иначе не скажу — соусов. Мы сажались друг против друга: она кормила меня из своей ложки, а я её — из своей. Этот забавный приём пищи придумала она, мы чувствовали, что это сближает нас и роднит, как ничто другое.

Мы с нетерпением ждали вечера, когда спустимся к морю с большой тарелкой жареных барабулек. Их мы покупали свежими у нашего магазина, и почему-то они были единственные, что могли предложить местные рыбаки. Мы купались, пили вино, закусывали рыбками и самозабвенно смеялись — поди узнай, чему и по какой причине...

Довольно воспоминаний, говорю я себе в очередной раз, пора уже писать финал. Теперь-то я все отчётливо вижу, лишь бы не заснуть...

Я точно помню, что сел в поезд ранним утром, тогда, как назло, пошёл дождик — обычный дождик, какие часто идут по всему побережью. Меня провожала Марина в бирюзовой кофте поверх зелёного ситцевого платья, волосы в беспорядке, на ногах коричневые матерчатые тапочки. Я ещё подумал, зачем она, всегда опрятная и ухоженная, так нарядилась.

Маленькая станция, поезд стоит всего пять минут, мне пора садиться, а она смотрит на меня так, как будто я никогда не вернусь. Ну что ты, говорю, в самом деле, прекрати — целую её в щёчку, прошу идти домой сейчас же, эх, сожалею, мы не взяли зонтики. Она грустно улыбается — а у нас, отвечает, их и нет, потому и не взяла. Такое ощущение, что она говорит из последних сил.

Поднимайтесь уже, торопит проводница, — становлюсь на подножку, оглядываюсь, через мгновение я уже в купе. Смотрю из окна на Марину — она неподвижно стоит под единственным деревом, будто застыла: ни улыбки, ни взмаха руки. Что это с нею? Мне становится нестерпимо больно, отворачиваюсь и сажусь на своё место.

Дальше привычный лягз и шум уходящего состава, привокзальные картинки начинают чаще мелькать, смешиваются, вокруг типичный разговор удобно устроившихся в дорогу пассажиров. Сосед суетится: может, чайку или что-нибудь посущественнее, у меня закуска хорошая имеется, вы как — не против? Я молчу, я — против! Отодвигаюсь от столика — уступаю место соседям, а потом и вовсе выхожу из купе. Слышны реплики о политике, ценах, социальных проблемах — везде люди ищут лучшей доли.

Сердце болит за Марину: как она себя будет чувствовать без меня в пустом доме? А сколько дней я буду отсутствовать? Как я мог оставить её одну, зачем не взял с собой? Почему мне даже в голову это не пришло? Вдруг тема разговоров меняется: в отпуск пойдёте, когда сдадите материал. Используйте автора, пока он здесь. Ничего другого слышать не желаю. Исполнить и доложить... Где улетающие картинки, приглушённые голоса пассажиров и уже пьяные мои соседи? Надо же было так уйти в себя, что я не заметил, как прибыл к месту назначения, добрался до издательства и сижу теперь перед столом редактора, которому поручена работа над моей книгой.

Она красивая молодая женщина, короткая чёрная юбка, белая с кружевами на груди и рукавах блуза, сейчас говорит с директором обо мне и вот уже, стуча каблучками, возвращается. Ну что, говорит она, пронзительно заглядывая мне в глаза, слышали? И кто вас только дёрнул приехать сегодня? Ведь могли, как нормальный человек, появиться завтра после обеда — черта с два бы меня нашли!

Я представляю, как она распускает волосы перед сном, и присматриваюсь, до чего же у неё красивые глаза за очками! Хочу ей об этом сказать, но почему-то говорю, что мне всё равно с кем работать, лично я, простите, ни в чём не виноват. Думаю, в этот момент она хотела звучно выругаться, но воздержалась. Такая вот она — Эвелина! Ну как ещё, прости господи, её могли звать в моей истории?!

Через минуту она говорит примирительным тоном: ладно, время обедать — идёмте. Она читала все присланные мною главы — заставляли. Если бы не моя сегодняшняя подлянка, то могла бы сказать несколько приятных слов о книге. А теперь — фи-гушки! — не дождётесь. Впрочем, давай на «ты». Тебе сколько лет? Наверное, годков двадцать три, да? О, целых двадцать пять?! А мне, малыш, все тридцать четыре! И это ещё не вся страшная правда обо мне, понял?! Так что прошу уважать и слушаться бес-прекословно, потому как времени на притирки друг к другу нет.

В кафе берём котлеты с воздушным картофельным пюре, свекольные салаты, по половине стакана густой сметаны и кофе с пирожными — ешь, ешь, работы много, силы нам понадобятся. Теперь внимание: по возвращении в издательство заходим к шефу, она ему говорит, что нам удобнее будет работать у неё дома, потому что в ка-бинете постоянно отвлекают посетители. А я в это время должен просто молчать и махать гривой в знак солидарности, понял? Шеф одобрит — она догадывается, что за мною чья-то крепкая рука, а это по нему ой как заметно. Поработаем от души, сделаем из каши конфету. Неужели за два дня мы не одолеем каких-нибудь триста страниц? Да нечего делать! Пишу я, надо сказать, чересчур кудряво, много лишних слов, но всё это, малыш, легко устранимо. Сделаем текст мускулистее — и всё встанет на свои места. Кстати, я получу большой аванс, скоро в моих карманах будет целое состояние. Как думаю поступить? Совет: первым делом на вокзал — до Ливерпуля, а там — в порт. Дальше — куда захочу! Мы смеёмся, а на душе у меня тревожно.

Выходим на конечной остановке рядом с домом Эвелины. Дом — это сильно ска-зано, она занимает только половину. Ничего, она довольна: ей досталась комната, прихожая, кухня с кладовкой и просторный балкон. Одну минутку, она не совсем готова к приёму высокого гостя. Ей надо зайти в магазин. Это ненадолго. Я же могу подождать здесь. Как это подождать? Где такое видано? Вхожу туда первым. Во вну-треннем кармане моего пиджака солидная пачка денег, выданная ещё в оросительной системе. Мы взяли всё, что возможно было купить в магазине того времени: какого-то мяса, какой-то колбасы, каких-то консервов, круг какого-то сыра, два десятка яиц, чай, кофе, фрукты, шоколад и сгущённое молоко. Меня понесло: ещё торт, пара буты-лок марочного вина, рижский бальзам, ром «Бакарди» и несколько кубинских сигар — поди пойми, для чего, ведь я даже не курил. Но Эвелина была в восторге, а я впервые стал свидетелем случая, когда кто-то возлюбил ближнего, как самого себя.

Почему меня не насторожили ни мой героический поход в магазин, ни её ори-гинальный домик с видом на рошу, ни кремовые шортики с расстёгнутой на груди полосатой рубашкой, ни дразнящее прикосновение её мокрых после душа волос — всё это должно было мне напомнить мои же фантазии. Потом думать времени не было. Мы сразу же поставили варить шурпу, а к рабочему столу понесли нарезанные колбасу и сыр, шоколад, фрукты и, разумеется, стаканы — мой с ромом, её с вином. Кстати, ром мой Эвелина разбавила вишнёвым сиропом с соком лимона и добавила лёд — сэр Флинт, всё-таки осторожнее с семьюдесятью-то пятью градусами! Всё это у нас стояло вперемежку с ножницами, фломастерами, клеем, штрих-корректором, бумагой — работать мы собрались основательно.

Ну, говорит она, и что ты молчишь, скажи что-нибудь. Хотя, дай я скажу. За успех твоего романа и пусть все лопнут от зависти! Нет, так нельзя — отставить, как говорит

наш директор. Пусть читатели всего мира возрадуются появлению твоей книги и станут хотя бы чуточку счастливее, вздрогнули! А теперь за работу.

Сначала мы читали всё предложение вслух — осмыслили. Затем снова, но уже медленнее, слово за словом: убирали лишнее, меняли эпитеты, переписывали отдельные фрагменты. Я сидел со словарями, вырезал куски бумаги нужного размера, наносил клей и как автор решал, какой из вариантов оставляем. Разногласия были, но мы вежливо уступали друг другу через раз. Делали перерыв, сосредоточенно думали и считали: сколько страниц отработано, сколько ещё предстоит и сколько времени займёт. При этом ели шурпу, набирались сил и загадочно смотрели друг на друга, думая, конечно же, о предстоящей ночи в одной постели. Не погонит же она меня на улицу затемно? Она таинственно заглядывала в мои глаза, вероятно, пытаясь найти что-то для себя важное. А меня уже не так интересовала моя книга, как Эвелина. Когда стемнело, она сказала: всё, шабаш, одолели ровно половину.

Эвелина выходит на балкон, я следую за ней. Она поднимает руки, потягивается, словно кошка, и слегка наклоняется в мою сторону, как будто не замечает моего присутствия. Ой, говорит она, оборачиваясь, и тут же кладёт голову на моё плечо. Будет дождь — над рощей почернело. Да, соглашаюсь я, похоже на то. Обнимаю её и остро чувствую, как давно я не был с женщиной. Она удобнее устраивает голову на моей груди. Какой прекрасный вечер, произносит кто-то из нас. Говорим о дальних странах, где сейчас хорошо. Оказывается, мы оба помешаны на Кубе, её природе, курортах, чарующих островах в океане — мы оба хотим там побывать. Вдали сверкает молния, освещая просторный луг перед рощей. Видишь, по верхушкам деревьев носится ветер, а на мой балкон не залетает. Давай спустимся, не хочешь? Она выскальзывает из моих объятий, открывает замок боковой двери зарешеченного балкона и спускается по крутой лестнице на землю. Смотрю вниз — на лужайке стол и скамья, их полукругом обрамляют три ухоженные клумбы. Вот здесь, кричит она оттуда, я работаю летними вечерами. И ни у кого из соседей сюда выхода нет. Такая лужайка только подо мной, а у них овражки, видишь? Смотри, под столом розетка для настольной лампы. Это всё папа сделал. Ну, спускайся же.

Я до краёв наполняю бокалы, беру сигары, иду к ней. И в самом деле, здесь чудный воздух. Это перед дождём, хотя у нас всегда свежо — окраина. Выпиваем разом до дна и, давась от смеха, пытаемся закурить. Но у нас ничего не выходит. Подожди, по-моему, надо откусить кончик этой зауженной ножки. Не убирай спички, необходимо хорошенько раскурить — я в кино видела. Ты думаешь? Ну, вот же я пробую. Не получается! Считаю это не про нас, куда нам, лапотникам, сигары курить, ну их к чертям! Сигары летят в траву без сожаления, а наши губы находят друг друга. Запах вина и пряное послевкусие табачных листьев придают нашим поцелуям какой-то порочный аромат...

Как же так: под видом работы над книгой я сижу у чужой женщины, целуюсь с ней, а вдалеке Марина тоскует в пустом доме. Как мог я её предать? Как мог ранить её чистое сердце? Это так на меня не похоже! Есть ли мне прощение после такого поступка? Я встаю и решительно устремляюсь наверх. С трудом отыскиваю под кроватью свой запылённый портфель, достаю из бокового его отделения письмо. Оно от отца Марины. Читаю.

«Мой дорогой друг! Без сомнения, она поехала к тебе. Хочу сказать, дочь нам послушна во всем, она честный и ответственный человек, хорошо воспитана. Это чтобы ты не подумал чего. Она закрытый человек, спокойный, добрый, но у неё необыкновенная решительность и твёрдый характер. Бывает, что её трудно отворотить от задуманного, как и гору сдвинуть. Мы в таких случаях ей не перечим, потому что она

не раз доказывала, что предчувствует успех, пользу какого-либо дела, видит сердцем хороших людей. Я надеюсь, ты как благовоспитанный человек не воспользуешься её женским, правильнее бы сказать, легкомысленным порывом поехать к тебе, и вы терпеливо дожждётесь времени, когда станете законными спутниками жизни. Ведь вы с нею ещё так молоды и мало знаете друг друга, может случиться всякое. Она поддалась чувству, я впервые такое за ней наблюдаю. Об одном хочу предупредить: невозможно разбить сердце такой девушке и остаться безнаказанным. Когда предают такую святую душу, то страдают все люди вокруг, ну, не знаю, рушится мир, всё идёт прахом, природа подобного не терпит. Если можно обмануть таких людей, как она, то зачем нужен такой мир. Я волнуюсь, и из-за этой слабости всё, наверное, усложняю и преувеличиваю. Прошу меня извинить. Переписывать не стану. Но ты, надеюсь, меня понимаешь. Это письмо тебе из рук в руки передаст наш сосед. Марине, конечно, его показывать не следует. Напиши, как устроился, как пишется, да и вообще — как вы там? С уважением».

Странно, я никакого письма ни от какого соседа не получал. Не имею понятия, как оно оказалось в моём портфеле, каким образом я о нём узнал? И как это мне в голову пришло бежать за портфелем?.. В этот момент лужайка сворачивается ковриком и катится под рощу, обрывается голос Эвелины, пытавшейся, повидимому, спросить, куда это я побежал. Ветер, пролетевший между балконной дверью и распахнутым настежь кухонным окном, срывает лёгкие настенные часы и календарь, рамки чих-то портретов, сбрасывает на пол статуэтки двух ангелов с поверхности телевизора, размётывает по комнате мою рукопись. Но я её не собираю, а, быстро одевшись, выбегаю на улицу под холодный косой дождь. Меня, насквозь мокрого, из жалости подбирает водитель одной из проезжающих автомашин и высаживает у дверей издательства. Там нахожу бухгалтерию и объявляю, что мне положен аванс за книгу — проходите, говорят мне, присаживайтесь, как фамилия?

По дороге на вокзал пытаюсь понять, почему пачки денег я положил не в портфель, а рассовал по карманам брюк и пиджака? Странно. В маршрутном автобусе все только на меня и пялились. Ещё более странно, я не помнил ни названия станции, ни посёлка. Из окошка кассы мне уже кричали: так куда всё-таки едем, думайте скорее, за вами очередь. Беру билет по направлению к морю — до вокзала, который находится в шести часах пути отсюда. В поезде обращаю к проводнице: может, она знает, как называется станция? В нашем посёлке, говорю, по пути к пляжу есть магазин, возле которого рыбаки продают барабульки, а ещё там много деревьев и цветов. Не припомнит ли такого места, ведь они много ездят? Я только рассмешил проводницу, особенно барабульками. А ещё она сказала, что у неё нет возможности разгуливать по приморским посёлкам, да и разлёживаться на пляжах некогда, ей нужно работать и кормить семью.

Ничего, думаю, я узнаю наш вокзал по его архитектуре. Но я не знал, что все они — во всяком случае, на побережье — построены по типовому проекту. К тому же обратно я ехал в ночное время и шансов разглядеть что-нибудь знакомое у меня почти не было. Я порывался сойти на каждой станции, но меня удерживала проводница: да ты приглядиись внимательнее, сам же говорил, что твоя в шести часах езды, а мы и трёх часов не прошли. И меня отправляли спать. Я и в самом деле устал от напряжения, к тому же был основательно пьян. Я быстро заснул, но сколько часов проспал — не имею никакого представления. Проснулся я от лёгких содроганий поезда, замедляющего ход, и сразу же прильнул к окну. Так вот же моя станция — я это знаю по одинокому дереву за перроном, под которым стояла Марина. Беру портфель, бегу на выход. Проводница, качая головой, не то чтобы сомневается, а точно

знает, что не время мне. Я же и слушать ничего не желаю — здесь мне выходить и всё тут.

Только оказавшись у дерева, понимаю, что ошибся. Оно ниже и без пышности в листве, оно какое-то больное. Я никогда не ладил со временем — пока разбирался с деревом, поезд отошёл. Что было делать, я направился к зданию вокзала, зашёл в буфет и заказал себе рому. Рому, сказали, не держим. А вот кальвадос, вижу, есть — его мы, бывало, пили с ребятами в студенческом стройотряде. В моём романе он широко описан. Я взял бутылку, кусок голландского сыра, мои любимые пирожки с капустой, шницель и крепкий чай. Когда расплачивался, из моего кармана посыпались деньги, а я даже не подумал их поднять. Кальвадос не поправил моего душевного состояния, но именно из-за него, считаю, я и не помню, как сел на следующий поезд. И надо было ожидать: я пропустил свою станцию, более того, оказался в соседней области. Как же так? Почему проводница меня не разбудила? Никуда я не опоздал, отвечает, ведь мне выходить через четыре остановки — смотрите! — вы оплатили, говорит, до такой-то станции, названия которой, признаюсь, я никогда и не слышал. Ничего не знаю, возмущаюсь я, высадите меня сейчас же, на первой же остановке! С какой такой радости мне ещё четыре станции углубляться в чужую область?

Я заблудился во времени и этой бесконечной ночи! Я не могу найти любимую, я потерял веру в себя! Меня осадили враждебные войска всех времён и народов, и нет мне спасения! Посмотрите, как я зарос. Обратите внимание, на что похожа моя одежда — она износилась, словно я ношу её сотни лет. Вы даже не представляете себе, во что превратились подошвы моих ботинок, хотя все годы блужданий я сидел в поездах — они настолько истончились, что кожей ног я чувствую каждую неровность поверхности, по которой ступаю... Всё это я говорю проводнице очередного поезда, который везёт меня обратно. Но куда обратно?! За бутылку ледяного шампанского я насыпал на её столик кучу денег. Бог с ними, с деньгами, говорю, когда она пытается мне их вернуть — прекратите сейчас же! — лучше скажите, где мне сойти, чтобы найти мою любимую. Даже этот леденящий напиток не гасит пожара в моей душе. Проводница даёт мне совет: сойти на ближайшей станции, снять номер в гостинице, принять душ и хорошенько выспаться. А там, она уверена, я вспомню свою станцию и найду любимую. Я твёрдо обещаю ей это сделать.

Светает. Утро хмурое, холодное. На деревьях, кустарниках, проводах — изморось. И это посреди лета. Я ступаю на землю уже дряхлым стариком. Странно: я таким себя ощущаю, или я такой есть на самом деле? Донести бы своё тело до ночлега и горячей пищи, лечь в чистую постель и спокойно осмыслить, что со мною произошло. Если я выживу и мне когда-нибудь случится написать хотя бы ещё одну книгу, я буду знать, как сделать её безупречно правдивой. Эта мысль приносит хоть какое-то утешение. У входа в здание вокзала спрашиваю, где поблизости есть гостиница. Пожалуйста: мне нужно пойти по перрону, так просто ближе, — видите одинокое дерево? — за ним проулок, он выведет вас на площадь — по правую сторону гостиница. Благодарю. Я с трудом передвигаю ноги, да, да, когда приступлю к этой книге, я уже буду знать, какую боль может вызвать любое предательство, даже самый ничтожно маленький обман. Я буду знать, как можно потерять разум и ощущение времени, как можно разрушить мир, и в первую очередь свой собственный. Как это было в том странном письме? Зачем нужен такой мир, если можно обмануть такую, как... Природа этого просто не потерпит... Не потерпит... Природа, письмо... Не припомню даже, откуда оно пришло?

И слёзы выступают на моих глазах. Я ничего и никого не мог разглядеть, пока вплотную не подошёл к дереву. Останавливаюсь. Смотрю — не верю своим глазам.

Как же так, Марина, неужели ты с тех пор стоишь здесь, или только что вышла меня встречать? Хотя откуда тебе знать, когда я приеду, ведь я не давал телеграммы? Представляешь, я всё забыл: и адрес, и все названия, и даже... Что я говорю? погоди, одежда на тебе износилась, как и моя. Это что же: мы оба прожили в разлуке неисчислимое количество лет? Как ты жила все эти годы, о чем думала? Лицо твоё обезображено дождями и солнцем. Губы твои потрескались, трещинки на них, да и на всем лице заполнились пылью и семенами трав, разносимых ветрами. Знаешь, в них выросла шелковистая травка, а в волосах твоих птицы свили гнёзда. Не плачь, прошу тебя, эти две струйки обжигают меня больше адского огня. Я возьму тебя на руки и отнесу домой, я вылечу все твои раны и мы заживём счастливо. Доверься мне, обними за шею, скоро мы будем в мягкой постели и отдохнём за все годы разлуки. И очень тебя прошу, не смотри так — мне кажется, ты пронзаешь меня взглядом, а во мне много чего происходит такого, над чем я не властен. Вот мы и пришли. Сейчас я омою тебя и уложу на кровать, а сам лягу здесь, на коврике, и буду до утра держать твою руку, чтобы ты знала — я рядом.

Утром я и в самом деле проснулся на коврике. Правая моя рука лежала на кровати, шум моря был как никогда навязчив, а Марина собирала развеянные ночным ветром листы моей рукописи. Я встал и, ёжась от холода, вышел на балкон. Там нарочно задержался, потому что не знал, как и о чем с нею говорить. Боялся взглянуть на неё. Мне нужно было осмыслить всё, что со мною произошло. Пусть уйдёт и займётся своими делами. Завтраком, например. Но она не уходила, она держала стопку листов и смотрела на меня в недоумении. Я подошёл к ней и взял из её рук бумаги. Все пятьдесят три страницы, бывшие вчера в моём распоряжении, с обеих сторон были исписаны убористым почерком одним лишь словом: «любимая, любимая, любимая, любимая...»

